

Экспонаты рассказывают

История одного портрета: вероятность и достоверность в музейной практике

Подбирая экспонаты для выставки к 200-летию Отечественной войны 1812 г., мы обратили внимание на безымянный портрет седобородого мещанина лет шестидесяти в темно-коричневом кафтане с серебряной и бронзовой шейными медалями на красной ленте. Вероятно, что это медали «За усердие» и «За полезное». Они были учреждены Александром I в 1801 и 1802 гг. соответственно для гражданских лиц: купцов, крестьян и мещан за различные услуги, оказанные правительству. В левой руке мещанин демонстративно держит перед собой конверт с письмом под печатью красного сургуча.

По скромной социальной принадлежности портретируемого и заурядному уровню живописи невозможно было бы определить его имя. Но письмо! В истории Курской губернии лишь одно письменное послание было так значительно, что его можно было предъявить воображаемому зрителю (публике). Впрочем, историю этого послания *urbis et orbis* (городу и миру) поведал в журнале «Отечественные записки» в 1822 г. тогда еще молодой литератор, а позже писатель, публицист, историк и издатель Николай Алексеевич Полевой. Предлагаем его рассказ в несколько сокращенном виде.

Воспоминания о происшествиях, бывших в Курске в 1812 году

«... пока неизвестность томила ожидание городов, отдаленных от столицы, жители страшились и трепетали; когда же увидели меру бедствий отечества, Русские исполнились надеждою: отечество будет спасено! Это чувство испытали и жители Курска. Но горестно было ожидание их: с самого известия о битве Бородинской скоро слышались темные слухи о взятии и сожжении Москвы, движении войск наших к югу России, и Курск сделался театром опасностей и страха. Предвидели, что Наполеон обратится из обращенной в пустыню Москвы в Малороссийские губернии, даже некоторые рассказывали о намерении его достигнуть на зимние квартиры в Курск; торговые сношения прекратились, почты не стало – никто не знал совершенно, что происходит в Москве и где армия наша ...

Между тем, находясь в числе губерний, близких к театру войны, Курская несла большие тягости: кроме рекрутских наборов, обременили ее поставка лошадей, запас сухарей и проч., и счастлива она была, что Божие провидение послало ей тогда начальника, неусыпно бдевшего над нею. У нас в Курске каждый гражданин с почтением произносит имя Аркадия Ивановича Нелидова, бывшего в то время Курским гражданским губернатором ...

Подтвердилось известие о Московских опустошениях и что Наполеон обратился на Калугу; рассказывали даже о взятии Калуги – ужас умножился –

некоторые хотели оставлять свои жилища, и все находили одно утешение в уповании на Бога. Храм, где находится чудотворная икона Знамения Богородицы, был всегда отворен и наполнен молящимися: слезы и вздохи смешивались с мольбами священнослужителей.

Между тем сомнительное положение дел требовало мер решительных. В доме градского общества собрались унылые граждане Курска: там советовались они, что предпринять. Решено отправить депутата прямо к полководцу сил русских и спросить у него: чего должны ожидать жители Курска? Глаза всех обратились на согражданина Никиту Ивановича Сибилева, старца, украшенного сединами, который в юных годах своих знал лично вождя сил Русских, знаменитого князя Смоленского. Сибилев охотно принял на себя смелое предприятие, и сопровождаемый благословениями сограждан отправился в путь с одним курским гражданином С(тефаном) Дружининым; они поехали по Московской дороге ...

Повсюду беспорядки и смятения: толпы народа, убегающие из жилищ своих, воины, спешившие на брань, жители в страхе ожидающие безвестной участи – вот что встречало их везде! В Туле остановили их, предвещали верную гибель, там, где исчез совершенно общественный порядок; но Сибилев, с подорожною казенного комиссионера, отправленного по самонужнейшей надобности, не поколебался! В Серпухове не нашли уже они возможности ехать далее: почты не было. Между тем, находясь в 90 верстах от Москвы, почти освещаемые заревом Московским, они ничего еще не могли узнать ни о положении армии, ни о пребывании главной квартиры, безпрестанно переносимой с одного места на другое. Наконец Сибилев явился к какому-то значительному чиновнику, ехавшему из главной квартиры и получил от него подробное наставление. Люди, с которыми познакомился он в Серпухове, простились с ним, как на смерть обреченным; но старик, вооруженный саблей, парой пистолетов, перекрестившись, отправился в решительный путь: наши странники провели ночь при бивачном огне ...

В трех или четырех верстах от ночлега показался им вдалеке стан Французский и вскоре Сибилев приехал в нашу главную квартиру. Генерал С*** представил его прямо к князю Смоленскому.

Князь был окружен многочисленным Генералитетом, с ласковостию обратился к неизвестным пришельцам. «Батюшка, Ваша Светлость, отвечал старик, в моем лице, Курские граждане кланяются вам и желают всякого благополучия, они не знают, чего ожидать им должно, и если наш город не безопасен, то, когда угодно, все мы готовы идти на супостата; угодно ли это Вашей Светлости – скажите: что нам делать, или обрадуйте нас радостной весточкой?». Приметное чувство оживило лицо героя: Благодарю вас за усердие ваше; благодарю – молитесь Богу – город ваш безопасен, войска у нас много, и нам бояться нечего. Не оставляйте жилищ своих; враг был силен, но велик Бог – возвратись назад и обрадуй своих сограждан, что скоро мы совершим решительное поражение неприятелей». Он встал и ласково продолжал разговор с Сибилевым, требовавшим письма к своим курчанам: «Только тогда, как увидят они написанное Вашею Светлостью, говорил он, –

поверят они таким делам, которые вблизи видишь и не веришь». «Охотно, охотно», – отвечал князь и тотчас приказал исполнить требование, сам пересказавши, в чем должно состоять письмо в Курск ... «А знаете ли батюшка, Ваша светлость, что мы старые знакомые?» «Как это?» «Я был маркитантом, когда Ваша светлость находились в Крымском полуострове в Московском легионе. Помните ли сражение в горах (он напомнил Делассия и назвал его по имени), вы были тут ранены, татары отбили фуру с гренадерскими шапками». «Так, это все я помню, ты старый служивый. Мы оба старые служивые», – прибавил князь. «Могу ли равнять себя с вами, батюшка?», и Сибилев рассказал приступ к Измаилу, даже взятие Хотина, где он также был. С улыбкою потрепал его по плечу князь Смоленский.

Несколько раз потом встречался Сибилев с вождем Русским, пока жил в главной квартире. 19 числа была она в Богородицке, 20 ч(исла) переведена в Тарутино. Тут курчанину со всею ласковостию показали положение нашей и неприятельской армии, сказали о намерении дать битву и где хотят дать ее. Он видел безопасность нашей армии, крепкую Тарутинскую позицию, на крутых берегах Нары поставленную, невыгоды и потери неприятеля; получил множество военных известий, при армии каждодневно издаваемых, видел седых воинов, в числе 20000 пришедших с берегов Дона и обрадовавших Героя Смоленского; видел ополчения, обезопасившие Рязанскую и Тульскую дороги; слышал о войне партизанов. Наконец, обласканный Полководцем, восхищенный его милостями, Сибилев поспешил на родину, где с умаляющимся каждой день терпением ждали его сограждане ...

Ночью приехал Сибилев в Курск и восхитил всех. Вот письмо, привезенное им на имя градского главы В.А. Гладкого и на другой день прочитанное в полном собрании общества! Ночью еще доставили к губернатору письмо, полученное от князя Кутузова *(в конце нашей заметки, чтобы не вторгаться в текст Н.А. Полевого, мы приводим текст знаменитого письма – С.В.)*.

Сибилев сделался желанным гостем многих, и вскоре счастливая мысль представилась курчанам препроводить к князю Смоленскому список с чудотворной иконы и усердно благодарить его от лица всего города ... Вскоре назначено Сибилеву опять ехать: ему вручили образ Знамени Божией Матери, богато украшенный, и с письмом от имени Курского градского общества, исполненным чувств веры в Бога и надежды на дело правых, отправили в прежний путь.

Сыны отечества! Вам памятен день, в который курчанин, носящий залог истинной веры в Бога, явился в стане ратном! Ужасен и славен был день сей! Наполеон, оставивший пепелища Московския, в грозных силах двинулся по Калужской дороге к Боровску; он хотел прорваться в изобильные еще неразоренные края России, или по крайней мере отступить по дороге, еще не опустошенной. С 11 на 12 число ночью, полчища его ужасно надвинули на силы Русския. 12 числа октября с утра загорелся бой смертельный: город Малоярославец вспыхнул – в это самое время Сибилев явился в главной квартире: князя Кутузова не было – он находился в пыли битвы – сомнение

казалось на всех лицах – то приносили известия о взятии Малоярославца врагами, то о новом занятии нашими войсками – известно, что город, или лучше место, где был он, восемь раз переходило из рук в руки! Уже вечером возвратился князь Кутузов – еще битва не умолкла, зарево освещало стан Русской: грома гремели. Сибилев представлен был князю, лицо полководца было спокойно, но мрачно, не весело – а что чувствовало сердце его? Держа обеими руками святой образ, низко поклонился ему курчанин: «Бог да благословит Вашу Светлость!» – «Это ты, старый знакомый?» – «Я, батюшка, курские граждане, твердо уповая на заступление Богоматери, препровождают к вам образ ее: он будет вам знамением победы!». Герой Смоленский низко преклонился пред святым образом, приложился и слезы градом полились по лицу его. Сибилев зарыдал ... «О чем плачешь, Сибилев?» – спросил его князь Смоленский. «Когда вы, батюшка, плачете, могу ли я удержаться». – «Молись Богу, друг мой. Он благословит нас. Сегодня решительный день. Петр Петрович! – прибавил он, обращаясь к сотруднику своему, генералу Коновницину – примите образ, препроводите его к Гвардейским полкам, немедленно прикажите поставить подле Смоленской Богоматери и начать всенощную». Князь вскоре опять уехал – битва кончилась уже ночью поздно; еще неизвестны были следствия ее. Неприятель продолжал сражаться, стараясь прикрывать явное свое бегство; вечером Сибилева позвали к Главнокомандующему. Он, потрепав Сибилева по плечу: «Велико заступление Защитницы, на которую полагались Курские жители, – сказал герой, – знаешь ли радостную весть? неприятель бежит! Мы преследуем его – радуйся: Москва очищена и отечество спасено».

Тогда же в печатных известиях военных герой Смоленский приказал поместить следующее свидетельство веры своей в Бога и усердие курчан. «В самой тот день как неприятель принужден был отступить от Малаго Ярославца, доставлено в армию изображение чудотворной иконы Курской Божией Матери, чудесно некогда избавившей отечество наше от врагов; граждане города Курска, успокоенные письмом Главнокомандующего генерал-фельдмаршала, послали к нему сей образ, сопровождая его мольбами к Господу сил, да сохранит Монарха и благословит оружие наше, справедливо в защиту отечества исторгнутое. Народу, имеющему упование на Бога, преданному вере отцев своих, завистливый враг может нанести раны, но никогда не победить его».

Еще четыре дня Сибилев пробыл в стане Русском, потчивал героев плодами Курских садов, присланными от радостных граждан Курских; был свидетелем гибели врагов и постыдного их бегства. Наконец 16 октября в Гончаровском заводе простился с мстителями русскими, которые все устремились за врагом ...

Вскоре нарочно посланный привез серебряную медаль на Владимирской ленте с надписью: «За усердие», которую при поздравлении от лица Главнокомандующего, почтенный губернатор вручил Сибилеву уже не просто письмом, но отношением к целому городу.

Сибилев еще раз отправился с хлебом-солью от города Курска, когда граждане пожелали уже не узнать о безопасности своей, но поздравить

победителя. Сибилев видел князя Смоленского за границею России в Калише – и видел в последний раз! С радостною надеждою поехал он на родину, ошачливленный благосклонным приемом великаго вождя сил Русских. Но в непродолжительном времени горестная весть поразила всех: не стало князя Смоленского!».

Автор этого повествования, Н.А. Полевой, род которого происходил из Курска, в 1818 г. жил в городе и рассказ свой записал со слов очевидцев и, вероятно, участников недавних событий.

Через столетие потомок городского головы Н.Н. Гладков подтвердил, что М.И. Кутузов 16 октября 1812 г. (заметим, в день отъезда нашего героя из Гончаровского завода в Курск) письменно обратился к императору с ходатайством о пожаловании медалями курского городского головы купца Василия Андреевича Гладкова на голубой и мещанина Никиту Ивановича Сибилева на красной лентах, и что эти награды они получили в 1813 г. Скорее всего, это были медали «За полезное». Таким образом объясняется наличие двух шейных медалей на портрете.

Что же касается происхождения портрета, то он мог быть написан достаточно близко к упомянутым событиям, и тогда Н.И. Сибилев мог позировать живописцу. К тому же семейству выдающегося курянина льстило иметь в доме и оставить потомкам не только устные предания рода Сибилевых, но и такую меморию.

Виктор Склярук

«Государь мой, Василий Андреевич!

*Похвальное усердие ваше, сопряженное с предосторожностью, при настоящих обстоятельствах необходимой, поставило меня в приятный долг изъявить вам мою признательность, с чем вместе я прошу вас успокоить жителей города Курска и уверить их, что состояние армии нашей как было, так и есть, в благонадежном положении: силы наши сохранены и надежда на верное поражение врага нашего никогда нас не оставляла. Граждане ваши, Гг. Сибилев и Дружинин, были очевидными свидетелями невыгод неприятеля нашего, какие встречает он на каждом шагу. Истребление сил его, недостаток в продовольствии и совершенная гибель предстоят ему неизбежно; а за тем лета мои и любовь к отечеству дают мне полное право требовать вашей доверенности, силою коей уверяю вас, что город Курск есть и будет в совершенной безопасности. Теплые ваши молитвы ко Всевышнему и храбрость войска нашего будет иметь следствием то удовольствие, какого я надеюсь и которое к общему обрадованию последует вслед за кампанией, в непродолжительном времени прекратится долженствующей. Имею честь быть, Государь мой, ваш усердный Князь Михаил Г. Кутузов
Сентября 20 дня 1812 года»*
